

Руслан Сидоров

Песенка спившегося учителя пения

Уехать бы в края –
куда зимует лето,
и с морем на паях
петь и писать куплеты.

Уехать бы в края
без морока морозов,
где чёрным муравьям
не бьют челом стрекозы,

В перекасти-поля, –
(обрывистость, безбрежность),
где полон светлый пляж
европеянок нежных.

Но сказано – горбы
одни гробы излечат,
а море от Судьбы
не помогает. Нечем...

Не перебить хребет
тиранозавра Рока.
Проштрафился, плебей? –
хлебай, штрафная рота!

Но ласточек люби
и кротость незабудок;
а море – может быть! –
когда-нибудь да будет.

И Эсмеральды нить,
и Ариадны школьниц...
Ну всё, пора звонить.
Пора на колокольню.

* * *

У подорожника – чёрный стержень.
Что это значит? – что время вышло,
что у реки закалился стрежень,
что по ночам больше звёзд под крышей,

значит, что август камзол примерил,
впору пришёлся, нашёл красивым,
дело за золотом позумента,
злато-червонным, за жёлто-синей

поверху оторочкой; франту
щедро дано выбирать в витринах
леса сияющие караты
рос в паутинах, звёзд в паутинах...

Лето прошло. Начинался август,
месяц груздей, – точно мысли, – чёрных.
Выйди во двор, посиди на лавке,
где «Р+Л...» – результат зачёркнут..

Вот прилетают скворцы – всё видят.
А улетают? Когда? Кто знает?
Вечер и ветер – накинем свитер.
...Тот результат был неравен с нами.

* * *

Здесь мы боялись сначала
Подъёма, сержанта с диким
Ртом, командира части;
Удара, голода, крика.

Там мы боялись рифмы
ЭсэСэСэР с БэТээРом,
Который горит, и внутри мы –
Вчерашние пионеры.

Потом уставали бояться
Смерти, живущей с нами, –
Боялист пули по яйцам
От прибалтийских снайперш.

Теперь же душа безмерно
Бойтся, – а вдруг да есть
Мир, где она бессмертна,
И мир тот похож на – здесь.

* * *

Не хитри, убегая от Дхармы,
Ты, куда ни скачи, – всё – она.
А не взять ли оккамовский скальпель
Да отчикать сомнения на?
Стать внимательным, чтоб быть ведомым:
Серебристую звёздную нить
Не терять... Ариадна ждёт дома:
– Я слегка опоздал? Извини.

– Где ты был? – Ты спроси, где я не был.
– Где ты не был? - На небе. - Что вдруг?
С лабиринтов подполья – до неба
Не пройти мимо ласковых рук.
– Ты надолго? – Вопрос некорректен.
– Кто ж корректор? – Кто знает, мой свет...
– Кушать будешь? – Угу. – А покрепче?
– Чай... Покрепче! – Хороший ответ.
С милой милой. Все истины голы.
Лбом об пол. Удлиняется тень...
Напророчил волшебным глаголом:
Долго жить. Умереть в один день.

На дне

Здесь при встрече кивнёшь,
и в ответ – «Ага»,
руки – в брюки –
не подают.
Сидя в круг, вокруг
языка костерка
вкруг цикуту каку-то пьют.
«Приму» курят. Редко, когда – в одного.
За «покурим» – «оставишь» – вслед.
И молчат. А что говорить? – Ничего
неизвестного в мире нет.
Разговор вынимает пар изо рта,
и ноябрь заползает внутрь.
Квазистационарам важна теплота,
чтоб ещё, пусть на пять минут
отдалить равновесное «ничего».
И лишь этот, с кличкой «поэт»,
что-то шепчет в рифму. Подчас его
слушают; чаще – нет.

* * *

Природа не против морали.
Природе плевать на мораль.
И, сколько бы та ни орала,
природу не переорать.

Тиха. Но, запретов помимо,
своё, коль захочет, берёт.
Мораль удаляется, мило
молчит... Ну а после – орёт.

* * *

Коль жизнь серьёзна и серьёзна смерть,
серьёзен Президент, серьёзен смерд,
и всех серьёзней – над надмирной ватой, –
Поэзия должна быть глуповатой.
В ту дудочку, где дырочки, свистеть,
Ни-ни пророчества, ни-ни дурных вестей.
Оставим футурологам их хлеб.
К тому же есть, я слышал, на земле
серьёзные поэты и стихи их
серьёзные. Мне хочется хихикать;
и, ставши глуповатым, как добро,
дурачиться расхристанным пером,
юродствовать в виду закрытых врат,
и, как Сократ, знать то, что я дурак,
что неземною щедростью восторжен.
Лети, журавлик, и синичка тоже,
и голуби, летите: гули-гули.
Гуляю, околачивая дули;
в саду тропа, вдали премудрых тропов
с весёлым серым веществом коробки,
столь синим-синим политым обильно,
что уж не глуповатым, а дебильным.
Когда бы проза – был бы смех сквозь слёзы.
Я, улыбаясь, избегаю прозы.
Иван Андреич вывел бы мораль.
Я не Андреич, не Иван, – дурак,
до смерти заигравшийся в слова:
Поэзия должна быть глупова...

* * *

Есть лошадка-качалка для всадника,
золотинка в песочнице – классика,
запеканка из детского садика,
георгины в руках первоклассника.

Рекреация, крошки от коржика,
красным галстуком инициация...
Ничего, ничего не закончилось:
колыбелька Эллады и Лациум,
разделенья на плебс и патрициев
с торжеством неизбежности варваров,
а три тысячи, триста иль тридцать лет...
Те же ляли нам, те же вавы нам.

У природы, причёсанной Дарвином,
Марксом, Ницше и Фрейдом – трагедии, –
варианты домашних заданий, но
на «отлично» способны лишь гении.

Остальным остаётся быть членами
партий, обществ, семей или лишними.
Есть до Страшного Пленума хлебушек,
есть лошадка-качалка. Есть – лирика.

* * *

Я сегодня проснулся и выпил свой чай.
И пошёл на работу. И опять опоздал.
И небо, прозрачное, как печаль,
Спросило: «Ты мой?» – я ответил: «Да».

В общественном транспорте тесно, тепло,
Как в сердце, которое полно любви.
Между мною и небом – только стекло.
Выдернув шнур, на стекло надави.

* * *

В слове «богатый» «бог» есть.
В слове «богема» – тоже.
Мне ближе слово «убогий».
Помилуй убогого, Боже.

Прости несюсветную сирость,
Прости ему, Боже, дурость,
Юродство, сиротство в сюре
Реальности мира сильных.

Но в слове «убогий» тоже
Есть бог, т. е., ты есть, Боже!

* * *

Матушка-Судьба да батюшка-Рок,
Да сынок-урод, непутёвый дурак.
Как переступил за родимый порог
Левою ногой, – та пошёл не так.

Видела сестра старшая Любовь
Узел забытый: спички, чай да табак.
Догнала под утро, просила взять с собой,
Узел он взял, а сестру прогнал, дурак.

Шёл, куда вело направленье пути,
Коль некуда, – не всё ль равно куда?
Сфальшивил сто стихов на разный мотив –
Коль некому слушать, так нет и стыда.

По пути учился языкам полей,
Рек, логов и гор, тополей и берёз,
Целовал луну в озёрном стекле,
Как целуют женщину, с которой – всерьёз.

Загрубел с лица, не окреп умом.
Всё, что подбирал по дороге, – терял.
Круглая земля. И пришёл домой.
Споткнулся на пороге, лбом припал к дверям.

Матушка-Судьба достала чугунок
С дымящейся картошкой, нарезала хлеб.
Сказала: «Повзрослел». Всхлипнула: «Сынок.
Жаль, отец не видит – совсем вон ослеп.

Старшая, Любовь, как ты ее прогнал,
Ходит, бают люди, тебя отыскать.
За ней Надежда с Верой; осталась одна
Младшенькая наша дочура – Тоска».

Матушка-Судьба да батюшка-Рок.
Старушка – хрома, старик – совсем слепой.
Ничего, сестра, будем жить добро;
Не грусти, Тоска, теперь я с тобой.

Коль жизнь серьезна : [стихи] / Руслан Сидоров // Новокузнецкий
литературный альманах, 2008. --Новокузнецк, [2008]. – С. 100-103.